

всестороннее рассмотрение проблемы (П. Берков верно замечает, что это должно стать предметом самостоятельного исследования) анализ значения ленинских работ для марксистского понимания общественной и литературной жизни XVIII века. П. Берков стремится не к интерпретации отдельных ленинских высказываний и оценок, относящихся к литературе XVIII столетия, а к уяснению широких методологических предпосылок, которые должны стать основой литературоведческих концепций.

Пожалуй, менее «повезло» в книге советскому периоду изучения русской литературы XVIII века. Перечисление имен отчасти заслонило собою сложность пути, по которому шло развитие литературной историографии XVIII века в советское время. Отказался П. Берков на этот раз даже от систематизации (уж не говоря о характеристике) жанрового многообразия литературоведческих работ, посвященных этой теме.

Было бы интересно услышать и профессиональный разговор об индивидуальных особенностях наиболее крупных исследователей. Это диктуется задачами современного литературоведения. А «вне этой связи с современностью, с задачами, стоящими перед нынешним этапом нашего литературоведения,— как отлично понимает и сам П. Берков,— литературная историография утрачивает свое прямое назначение — помогать литературоведу в его постоянной, повседневной работе. Напротив, она становится в таком случае балластом для памяти, «знанием для знания», весьма привлекательной областью занятий для коллекционеров фактов, бесполезной для ученого, живущего интересами своей эпохи» (стр. 15—16).

Что ж, эти слова — лучший залог того, что и остальные части задуманного П. Берковым «Введения в изучение истории русской литературы XVIII века» будут не менее современными.

В. СМЕРНОВ

г. Курган

ПУТИ ШВЕЙЦАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Проблема национальной специфики четырехязычной литературы швейцарской конфедерации, с особой остротой вставшая в середине XIX века, когда Швейцария окончательно вступила на буржуазный путь развития и тем самым было положено начало образованию самостоятельной нации, остается острой и в наши дни. Более того, в послед-

нее время интерес к этой проблеме значительно возрос. Существует ли швейцарская национальная литература или она представляет собой лишь конгломерат литературных провинций родственных по языку соседних стран? Не будут ли все возрастающие тенденции к политико-экономической «интеграции» стран Западной Европы означать исчезновение национальной специфики швейцарской литературы? Эти вопросы являются предметом оживленного обсуждения не только на страницах газет и журналов, но и в научных

* Alfred Berchtold, *La Suisse Romande au cap du XXe siècle. Portrait littéraire et moral*. Payot Lausanne, 1963, 992 pp.; Karl Schmid, *Unbehagen im Kleinstaat*. Artemis Verlag, Zürich und Stuttgart, 1963, Ss. 254.

исследованиях, в том числе и в работах по истории литературы.

Недавно появились две работы, посвященные проблемам швейцарской литературы. Это объемистая книга живущего в Женеве А. Берхтольда «Романдская Швейцария на рубеже XX века. Литературный и моральный портрет» и исследование цюрихского литературоведа К. Шмида «Неблагополучие в малом государстве». Обе работы представляют собой попытку осмыслить особенности национальной литературы, подвести итоги и наметить перспективы развития литературного процесса в различных частях Швейцарии. Но есть между ними существенное различие. А. Берхтольд строит свое исследование на фоне культурной жизни французской Швейцарии, привлекая множество имен, фактов и событий, зачастую не выходящих за пределы кантональных границ. К. Шмид — затрагивая лишь творчество некоторых значительных, известных далеко за пределами своей страны писателей, не принимающих мелкобуржуазное общество. Задав целью изучить новые явления отечественной литературы, оба автора идут самостоятельными путями и приходят к различным, в известной мере даже противоречащим друг другу выводам.

Хорошо документированная и богато иллюстрированная книга А. Берхтольда посвящена изучению духовной жизни французской Швейцарии конца XIX — начала XX века. Автор не ограничивается фактами литературной жизни, а обращается к философии, религии, морали, педагогике. Однако подобная широта отрицательно сказалась на глубине постановки вопросов и значительно усложнила и без того рыхлую ком-

позицию книги, ставшей похожей на «локальную хронику».

Несмотря на четко очерченные рамки исследования — 1890—1920-е годы, — А. Берхтольд начинает издалека, с эпохи Реформации, которая надолго определила религиозно-морализаторский характер литературы романдской Швейцарии. Главную задачу своей работы А. Берхтольд видел в том, чтобы раскрыть взаимосвязи между хорошо изученным прошлым и пока еще не исследованным настоящим, указать на те изменения, которые произошли в литературе в первые десятилетия XX века.

Надо признать, что в целом А. Берхтольд справился со своей задачей. Здесь целый ряд деятелей швейцарской культуры: зачинатель религиозно-морализаторского направления в литературе А. Вине и его ученики — Э. Навиль, Ш. Секретан, Ф. Бове, Ф. Бридель, Г. Гизан. За ними следуют защитники «местного гения», теоретики слияния протестантской духовности с «голосом земли», с местным колоритом — Ф. Годе, П. Зейпель, Г. Валет, Ф. Менье, Ф. Годлер. Специальные главы посвящены создателю знаменитого «Интимного дневника» А.-Ф. Амьелю, писателям, группировавшимся вокруг журналов «Вуаль латин», «Фёйе», «Кайе водуа», деятелям «Нового гельветического общества» — Г. де Рейнольд, Ш. Клеру, Р. де Тразу и др. Не забыты и те, кто не выдержал провинциальной атмосферы Швейцарии и последовал «зову просторов», — Г. де Пуртале, Б. Сандрар, Ш.-А. Сэнгриа и др.

Одно из главных достоинств книги заключается, на наш взгляд, в том, что ее автор, постоянно указывая на иностранные влияния, в частности Франции, старается учитывать своеобразие духовной жизни фран-

коязычных кантонов и рассматривает их литературу как самостоятельное явление, обладающее, правда, рядом сходных черт с литературами других языковых зон Швейцарии.

И в то же время, с нескрываемой гордостью демонстрируя «паразитические богатства» романдской культуры, А. Берхтольд не задается вопросом, почему эти богатства мертвым грузом давят на культурное развитие страны, почему остальная Европа не поняла и не приняла их. Любовно рисуя образы ярких поборников суровой кальвинистской доктрины, автор не видит или не хочет видеть, что именно в них, инициаторах и руководителях «религиозного пробуждения» романдской Швейцарии, кроются причины ее затянувшегося творческого бесплодия.

Все значительное, что появилось в романдской Швейцарии за последние двести лет, выросло из преодоления протестантской традиции. Примеры тому — Ж.-Ж. Руссо и Ш.-Ф. Рамю. Или трагически-поучительный пример А.-Ф. Амьеля, этого «нейтрального наблюдателя в ложе истории», которого служение религии заставило, по его словам, не жить, а скорее присутствовать при собственной жизни, страдая от творческой стерильности. В «Интимном дневнике», который появился только после смерти А.-Ф. Амьеля, есть горькое признание: «Я понял, что, женившись на Женеве, я сделал плохой выбор, я выбрал смерть, смерть моего таланта и моей жизнерадостности». А. Берхтольд не замечает, что эти — и некоторые другие — писатели представляют целую непрерывающуюся линию в развитии романдской литературы, линию неприятия, отрицания и преодоления официальных религиозно-морализаторских традиций.

Глава о Ш.-Ф. Рамю, творчество

которого относительно хорошо изучено, особенно наглядно свидетельствует о слабостях методологии А. Берхтольда. Стараясь во что бы то ни стало втиснуть Рамю в прокрустово ложе единой линии национального литературного развития с помощью сравнения с писателями XIX века И. Готтхельфом и Г. Келлером, он обходит стороной его отрицательное отношение к «идее государственности», замалчивает остроту его социальной критики. Более оправданным было бы сравнение Рамю с М. Фришем или Ф. Дюррнематтом, но оно невыгодно для А. Берхтольда. Понимая, видимо, что ему все же не удастся изобразить Ш.-Ф. Рамю патриотом швейцарского буржуазного государства, автор решил представить его как патриота «духа и души» романдской Швейцарии.

Книга А. Берхтольда написана с консервативно-охранительных позиций. Отметив, что «право на признание» имеют не только писатели-конформисты, но и «экстремисты», и критики официальной доктрины вроде Рамю, Рейнольда и Сандрара, он все же главную линию развития романдской литературы видит в продолжении и развитии протестантской традиции. Нужно только, чтобы религиозная мысль была «свободнее», опиралась на философию и новейшие достижения психологии, больше доверяла «эстетическому сенсуализму».

Несмотря на отмеченные недостатки, работа А. Берхтольда, отличающаяся необычайным богатством и полнотой фактического материала, заслуживает внимания. Это своеобразная энциклопедия культурной жизни романдской Швейцарии.

В отличие от А. Берхтольда К. Шмид в своей работе «Неблагополучие в малом государстве» не

вскрывает новых пластов в швейцарской литературе на немецком языке. Он обращается к творчеству Я. Буркхардта, К.-Ф. Мейера, А.-Ф. Амьеля, Я. Шафнера, М. Фриша. Всех их, по мысли К. Шмида, связывает странное чувство неблагополучия, неуют, они задыхаются в атмосфере ограниченности, вызванной тем, что их страна играет в Европе лишь незначительную роль. Устойчивость быта и буржуазное благополучие для них ничего не значат. Они жалуются на необходимость существования в стороне от больших культур и наций, на историческую бесперспективность и обреченность на бездействие. В этих условиях, считает К. Шмид, у них создается впечатление, что подлинная история творится где-то «там», за пределами благоустроенной и сытой швейцарской жизни. В результате — творческий бунт, уход от общественной проблематики, внутренняя, а то и прямая, как в случае с Я. Шафнером, эмиграция.

Отправной точкой работы К. Шмида является творчество К.-Ф. Мейера, в котором он видит яркую иллюстрацию бегства от «неблагополучия малого государства» в полное величия историческое прошлое. Мейер не одинок в швейцарской литературе, признается К. Шмид. В ней существует целое направление, внешне незаметное за официальной, апологетической литературой. Оно вскрывает симптомы серьезной болезни внешне благополучного мелкобуржуазного общества. «Панорама швейцарской духовной жизни, которая часто чересчур схематически сводилась к удобному утверждению действительности и примерной гражданственности, обогащается линией, которая уже давно, а сегодня больше, чем когда-либо, представляет собой значительное явление», — пишет ав-

тор. И с этим нельзя не согласиться. Правда, она не так уж незаметна, эта линия. Ведь, начиная с конца прошлого века, она включает в себя все самое талантливое в швейцарской литературе, и к пяти писателям, творчество которых К. Шмид затрагивает в своей работе, можно было бы добавить еще имена Г. Лейтхольда, Р. Вальзера, А. Цоллингера, К. Шпиттелера, Ш.-Ф. Рамю, Б. Сандрара, Г. Гессе, Ф. Дюрренматта и др.

Впрочем, в конечном счете важна не полнота, важно то, как К. Шмид объясняет этот все углубляющийся процесс отчуждения литературы от «малого государства». Оказывается, во всем виновато не мелкобуржуазное общество, не официальная политика «первой демократической республики Европы», а сами писатели, их «психологические комплексы», некие «иррациональные данности, заложенные в каждом индивидууме». У Мейера это наследственная мнительность и болезненность характера, у Амьеля — мечтательность, пассивность, «нейтральность мышления», у Шафнера — мать-немка.

Значительно труднее оказалось для К. Шмида справиться с М. Фришем, писателем, чье творчество, хорошо известное европейскому читателю, развивается в «постоянном противоречии со швейцарской нацией». В своем «Дневнике», в романах «Штиллер» и «Ното Faber», в драме «Андорра» он зло и резко критикует самодовольное швейцарское бюргерство и его фарисейскую мораль. Швейцария для М. Фриша — образец замкнутого в себе общества, которое унижает художника, низводит его до положения слуги исторически бесперспективного и политически реакционного строя. Не принимая официальной политической и

культурной линии швейцарского государства, М. Фриш остается глубоко швейцарским писателем.

К. Шмид пытается доказать, что причины резкости М. Фриша не в недостатках строя, а в самом писателе: он-де критикует не реально существующую страну, а произвольно созданный образ ее, наделенный всеми непривлекательными чертами, которые М. Фриш хотел бы преодолеть в себе самом.

Пути, по которым шло развитие швейцарской литературы, теперь уже явно непригодны, считает К. Шмид. Безоговорочное утверждение маленькой общины как модели человечества теперь выглядело бы нелепо, но и ее «озлобленное неприятие» кажется К. Шмиду — и не только ему — подозрительным. Для все большего числа писателей Швейцария — теперь не родина, а лишь удобное место жительства, «домициль».

Какой же выход из создавшейся ситуации предлагает К. Шмид?

Прежде всего не озлобленность, не критику, не бунт против общества, а четкое разделение личных и общественных интересов, умение находить возможности для творческого развития в любом государстве, в том числе и «малом». Образцом такого «удобного» художника для К. Шмида является известный историк Я. Буркхардт, учитель Ф. Ницше, враг демократии и социальной свободы, утверждавший, что интересы отдельной личности и общества никогда не могут совпасть, поэтому человеку все равно, в каком государстве жить. Культурно-пессимистиче-

ская философия Я. Буркхардта как нельзя лучше устраивает К. Шмида — ведь ее лейтмотивом является принцип «познай и смирись». Смирение, подчинение, конформизм — вот тот путь, на который автор толкает ищущих и беспокойных швейцарских художников.

А перспективы? Их К. Шмид видит в интеграции европейских государств в нечто «великое и целое». Стоит только Швейцарии вступить в «великую Европу» НАТО и «общего рынка», как она обретет «право выбора», историческое величие, а все проблемы «малого государства» исчезнут, словно по мановению волшебной палочки.

Таким образом, перспективы, которые К. Шмид намечает для литературы, хотя внешне и отличаются от консервативно-охранительной программы А. Берхтольда, тем не менее тоже ведут к безнадежному тупику.

Тенденции развития современной литературы Швейцарии отличаются от тех путей, которые ей навязывают А. Берхтольд и К. Шмид. Творчество Ш.-Ф. Рамю, М. Фриша, Ф. Дюрренматта, Э. Штайгера, В.-М. Диггелмана свидетельствует о том, что преодоление местной ограниченности происходит не путем отказа от национальной специфики, а за счет все большего усиления социально-критических тенденций, все более четкого осознания писателями своего места в ряду борцов за гуманизм и социальный прогресс.

В. СЕДЕЛЬНИК